

0926

HARLEQUIN[®]

ЦЕНТР ПОЛИГРАФ

Марион Леннокс

**ПОД ПОКРОВОВОМ
СВЕТЛЫХ ЧУВСТВ**

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Любовный роман – Harlequin

Марион Леннокс

Под покровом светлых чувств

«Центрполиграф»

2018

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

Леннокс М.

Под покровом светлых чувств / М. Леннокс — «Центрполиграф»,
2018 — (Любовный роман – Harlequin)

ISBN 978-5-227-08728-7

Чарли Фостер ненавидит барона Карлайла за то, что тот, как она считает, свел в могилу ее любимую бабушку. И она не знает, что красивый добрый незнакомец, который возник на ее пороге и остался на ночь, чтобы переждать бурю, и есть Брин Морган, лорд Карлайл. Они постепенно все больше влюбляются друг в друга. Брин понимает, что рано или поздно придется рассказать всю правду. Но как на нее отреагирует Чарли?.

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-227-08728-7

© Леннокс М., 2018
© Центрполиграф, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Марион Леннокс

Под покровом светлых чувств

Marion Lennox
ENGLISH LORD ON HER DOORSTEP

Все права на издание защищены, включая право воспроизведения полностью или частично в любой форме.

Это издание опубликовано с разрешения Harlequin Books S. A.

Товарные знаки Harlequin и Diamond принадлежат Harlequin Enterprises limited или его корпоративным аффилированным членам и могут быть использованы только на основании сублицензионного соглашения.

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Серия «Любовный роман»

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

English Lord on Her Doorstep
© 2018 by Marion Lennox

«Под покровом светлых чувств»
© «Центрполиграф», 2019
© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2019

Глава 1

Брин Томас Морган, двенадцатый барон Карлайл, пэр Англии, полагал, что эта отвратительная неделя уже не может стать хуже. Оказалось, он ошибался.

Усталый, исполненный ужаса и отвращения к самому себе, он искал под дождем, в темноте, собаку, которую только что случайно сбил.

В голове уже выстраивались дальнейшие планы. Если собака погибла, придется отвезти ее труп в местный полицейский участок и объяснить, что наехал на пса на крутом повороте. А дальше пусть полиция действует сама.

Через три часа Брин должен был вылететь обратно в Лондон, а до аэропорта предстояло добираться еще пару часов. Но все же этого времени вполне достаточно, чтобы разобраться с мертвой собакой и успеть на свой рейс.

Однако, когда Брин наконец нашел несчастное животное, отброшенное на обочину, собака была жива. Несмотря на то что ее сбил итальянский супермощный спорткар.

Двадцать лет назад Брин, будучи еще совсем мальчишкой, учился водить джип по обширным угодьям поместья Баллистоун-Холл. Отец тогда посоветовал ему ни в коем случае не пытаться объехать выскочившее на дорогу животное: «Иначе ты потеряешь управление машиной, – объяснил он. – Животные обычно могут оценивать расстояние до автомобиля и его скорость. А если ты начнешь маневрировать, то, скорее всего, не избежишь столкновения, но при этом можешь погибнуть и сам».

Однако на этот раз перед машиной Бриана выскочил не теленок, отбившийся от стада, и не испуганный, но проворный олень. На его пути, прямо посреди проселочной дороги, ковыляла, свесив голову, грязно-белая дворняжка средних размеров.

Разумеется, Брин, презрев совет отца, попытался ее объехать, но дорога была узкой и мокрой от дождя. Не хватило ни места, ни времени, чтобы уйти от столкновения. И вот теперь собака лежала на траве на обочине дороги. Ее задняя лапа была окровавлена, карие глаза наполнены болью и страданием. Брин наклонился и заглянул в них. Они словно молили: «Прикончи меня, чтобы я не мучилась».

– Может, сначала попробуем тебя вылечить? – мягко сказал Брин.

Он любил собак. Скучал по своим псам, оставшимся в Англии, о которых в настоящее время заботились его мать и работники поместья. А эта собака выглядела так, словно с ней плохо обращались.

Что же делать?

Надо успеть улететь из Австралии, потому что из-за приближающейся бури на пару дней может прерваться воздушное сообщение. В Лондоне Бриана уже ждала целая куча адвокатов. Ему необходимо разобраться с проблемами и вернуться в Баллистоун-Холл, к выращиванию скота, к работе, которая стала смыслом его жизни. А также ему предстояло наконец принять наследный титул, который он ненавидел...

Но перед ним на дороге лежала истекающая кровью собака. До ближайшего города было минут двадцать езды, и уже минуло восемь часов вечера. Собака смотрела на Бриана так, будто ожидала, что он ударит ее топором.

– Все в порядке, – ласково сказал Брин, почесав ее за испачканным грязью ухом и пытаясь придумать, как поступить.

Он находился в сельской местности к западу от Мельбурна. Там, где есть фермы, всегда найдется ветеринар. Можно позвонить ему заранее, предупредить, что сейчас привезет сбитое животное, оплатить все расходы по лечению и поиску владельца этой бедняги.

Но сначала нужно положить собаку в машину. Дождь усилился, вдали уже слышались раскаты грома.

Кровь из раны текла не очень сильно, но все равно нужно было сделать перевязку. Вот только чем забинтовать рану? Брин путешествовал налегке. Он прибыл в Австралию из-за серьезных проблем с родным дядей и собирался проследить, чтобы его собственные интересы не были затронуты.

Агентство по взысканию долгов должно было забрать этот спорткар завтра на парковке аэропорта. Не хватало только, чтобы машину обнаружили залитой кровью. Это бы еще больше усложнило жизнь его непутевого дядюшки.

Брин снял с себя куртку и подsunул ее под собаку, чтобы можно было ее нести. Затем вернулся к машине и достал запасную рубашку, собираясь перевязать ею кровоточащую рану.

– Ладно, псина, надеюсь, у тебя повреждена только лапа, – произнес он, вернувшись. – Я позвоню, и ветеринар нас встретит. Обеспечу тебе тепло и безопасность, прежде чем разыгравается буря. Но чтобы успеть на самолет, мне придется гнать с превышением скорости.

Шарлотта Фостер – или просто Чарли для своих – не любила бури, и это еще было мягко сказано. В своей аккуратной маленькой студии по дизайну интерьеров в Мельбурне, зажатой с обеих сторон массивными городскими домами, она могла бы закрыть жалюзи, врубить на всю громкость стереосистему и притвориться, что никакой бури вовсе нет. Но сейчас она находилась в полуразрушенном фермерском доме с ржавой жестяной крышей. На многие мили вокруг не было другого жилья, и ее окружали собаки, которые уже начинали нервничать. Если бы только бабушка была здесь! Она бы зашла сейчас в спальню Чарли и села на край ее кровати, чтобы успокоить, как делала это прежде столько раз. Это место было для Чарли настоящим убежищем. Прежде она проводила здесь каждые школьные каникулы, окруженная собаками, полным беспорядком и любовью.

Чарли шмыгнула носом. Она не была по натуре плаксои, и все же за последние несколько недель у нее не раз глаза были на мокром месте.

Бабушки больше нет! В сердце Чарли словно образовалась огромная дыра. Собаки тоже вели себя так, будто чувствовали потерю хозяйки. Чарли все еще не могла решить, что с ними делать. Бетти в свое время подобрала этих псов, брошенных, никому не нужных, потому что не могла отказать в помощи ни человеку, ни животному.

Чарли не знала, что с ними будет. Она никак не могла взять в свою студию, совмещенную с однокомнатной квартиркой, шесть собак. Нет, семь, если считать Флосси. Хотя Чарли уже почти отчаялась ее найти.

В голове еще звучали слова, написанные Бетти перед смертью. В ту, последнюю свою, ночь она, должно быть, почувствовала приближение конца. Может, ощутила боль в груди или одышку – кто знает? Как бы то ни было, вместо того чтобы поступить разумно и немедленно вызвать скорую, она села и написала инструкции для Чарли.

«Ты и так почти все знаешь, но на всякий случай напомним тебе кое-какие подробности.

Опоссум – это метис фокстерьера. Ему девять лет. Он больше всего на свете обожает играть с черно-белым носком. В комод, в нижнем ящике, есть на всякий случай парочка запасных носков.

Фред – наполовину бассет, а наполовину пылесос. Он ест все подряд, полагая, что, если попадется что-то несъедобное, всегда можно потом этим стошниться. Не подпускай его к носку Опоссума!...»

И так далее. Но потом, в конце: «Флосси – очень милая, но с ней непросто. Она живет у меня всего два месяца. Я подобрала ее у дороги неподалеку отсюда. Нужно следить, чтобы она не убежала и не попала под машину, потому что каждый раз, очутившись за воротами, она спешит к дороге в поисках выкинувшего ее прежнего хозяина-подонка».

После смерти бабушки Чарли уже пару недель ухаживала за собаками и другими животными. Одновременно она пыталась разобраться с финансами Бетти, от всей души желая убить того гада, который обворовал ее бабушку. У Чарли и самой сейчас было туго с деньгами – из-за ее собственной глупости, – но об этом думать не хотелось. Сердце переполняла боль от потери любящей, доброй бабушки, и эту боль усугублял тот факт, что, когда Бетти наконец вызвала скорую помощь, фельдшеры оставили ворота открытыми, и Флосси снова сбежала. Теперь она где-то скиталась. Чарли хватало хлопот и с шестью оставшимися собаками, которых нужно было куда-то перевезти отсюда. Но тем не менее она не прекращала поисков Флосси, продолжая надеяться, что отыщет беглянку. Ведь именно этого ожидала бы от внучки Бетти.

Теперь, когда приближалась буря, мысли о потерянной Флосси не давали Чарли покоя.

– Вы, ребята, можете залезть на постель, пока все не закончится, – разрешила она собакам, которые становились все более нервными, потому что раскаты грома становились все слышнее.

Флосси... Она где-то там, снаружи...

– Я искала ее, – произнесла Чарли вслух, словно Бетти, которую она похоронила десять дней назад, могла ее услышать. – Я сделала все, что могла, бабушка. Теперь мне пора зарыться с головой в подушки и переждать эту бурю без тебя.

Ближайшим городом по направлению к аэропорту был Ялингап. Имеющегося там ветеринара, как выяснилось, вызвали принимать роды у коровы, а потому в телефонной трубке раздался краткий ответ: «Я смогу встретиться с вами приблизительно через час. Все зависит от того, как скоро эта дама разродится. Я перезвоню вам, когда закончу с ней возиться».

Карлсбрук был городом, ближайшим в обратном направлении.

«Доктор Сандерс в отпуске, – сообщил автоответчик. – В случае крайней необходимости, пожалуйста, позвоните ветеринару в Ялингап».

Собака лежала на пассажирском сиденье, глядя на Брина огромными испуганными глазами.

«Что ж, – подумал он, – следующее, что я попробую сделать, – это разыскать ее хозяина. А может, мне следовало начать именно с этого».

Но вокруг раскинулся не пригород с большим количеством домов, в чьи двери можно было бы постучать, а сельская местность. Здесь дома фермеров прятались за высокими эвкалиптами. За последние пару миль Брину не встретилось никакого жилья.

– Но ты ведь пришла откуда-то, – обратился он к собаке и снова почесал ее за ухом.

Пальцы внезапно нащупали ошейник, на котором обнаружилась табличка с надписью «Флосси» – и больше никакой информации. Да уж...

– Ладно, доеду до какого-нибудь дома, – пробормотал Брин и включил зажигание. – Только бы там обнаружился твой владелец или хотя бы тот, кто поймет, что я ужасно тороплюсь.

Чарли действительно очень не любила бури и темноту. Она чувствовала себя на этой ферме как дома, потому что с детства приезжала сюда на каникулы. Ей очень нравилось здесь бывать, помогать Бетти ухаживать за собаками, курами и еще целой кучей животных, которые тут жили. Но прежде всего, именно любовь к бабушке заставляла ее возвращаться сюда снова и снова. И именно эта любовь заставила ее задержаться на ферме, хотя профессия дизайнера интерьеров обязывала Чарли сидеть сейчас в своей студии и принимать клиентов.

Бетти ушла навсегда. Одной этой мысли было достаточно, чтобы чувствовать себя одинокой и безутешной, а тут еще вдобавок надвигается буря... Уже пять раз гром звучал почти оглушительно, а дождь, превратившись в ливень, звонко барабанил по жестяной крыше, заставляя Чарли вздрагивать. Она выбежала из спальни, чтобы затаиться вместе с собаками в каком-нибудь укромном уголке.

Но вдруг кто-то постучал в парадную дверь. Обычно собаки отвечали на это взрывом лая. Но сейчас они не отреагировали – лишь жалась друг к другу позади Чарли, словно ища у нее защиты.

За дверью кто-то был! То, что показалось Чарли всполохами молний, должно быть, было светом фар подъезжающего автомобиля.

Но кто это? Всем в округе было известно, что Бетти мертва. На похороны съехались почти все жители округа. А после никто не появлялся тут, ведь Чарли была для них чужой. Она собиралась выставить эту ферму на торги и вернуться в город. Этот стук в темноте напугал ее.

Разве собаки не должны защищать дом?

– Вы, парни, пойдете со мной, – пробормотала Чарли, схватив Цезаря и Дотти за шкурки. Цезаря можно было назвать почти чистопородным волкодавом, а Дотти – чуть не на сто процентов далматинцем. Они оба были ужасными трусами, но хотя бы отличались крупными размерами.

Чарли вытащила их в прихожую. Стук в дверь раздался снова, заглушив очередной раскат грома. У Чарли было по собаке в каждой руке. Еще четыре пса должны были выстроиться позади нее, но трое из них предпочли отступить в гостиную, и теперь их хвосты торчали из-под выдавшего вида дивана. Не струсил только Пушинка. Она была, кажется, то ли мальтийской болонкой, то ли ши-тцу и походила на комочек белого пуха, чуть больше ладони. Несмотря на свой малый рост, она героически прыгала вокруг Цезаря и Дотти, как бы говоря: «Я с вами, ребята!» Но те тянули Чарли назад, тоже желая спрятаться под диваном.

– Кто там? – выдавила Чарли, гадая, имеют ли привычку представляться маньяки с топором.

– Меня зовут Брин Морган, – раздался в ответ низкий уверенный голос. – Надеюсь, вы сможете мне помочь. У меня здесь раненая собака. Может, вы подскажете, где я могу найти ее хозяина? У нее на ошейнике табличка с именем Флосси.

Флосси?! Чарли резко выдохнула. Флосси!!!

– Пожалуйста, входите, – сказала она и, исполненная надежды, открыла дверь.

Когда в очередной раз сверкнула молния, Брин сумел разглядеть дом. Он был двухэтажным и старым, а веранда с просиженными диванчиками – просторной и совсем ветхой. Ее доски скрипели и прогибались под ногами Брина. «Похоже, тут живет семейка Адамс», – мрачно подумал он.

И тут дверь открылась. Из ярко освещенной прихожей высунулась пара крупных собак, стремясь понюхать и поприветствовать гостя, а еще один пес, не выше щиколотки, предупреждающе затаивался.

Позади собак стояла довольно молодая женщина – на вид лет двадцати семи – двадцати восьми. Невысокая, где-то пять футов четыре дюйма, с яркими медными кудряшками, выющимися вокруг ненакрашенного лица. Она выглядела немного бледной. Ее глаза были широко раскрыты. Неужели от испуга? Одета она была в потертые джинсы и мешковатый малиновый свитер.

– Флосси! – произнесла она, и в ее голосе прозвучала вся надежда мира.

Брин мысленно возблагодарил небеса за то, что не оставили его без помощи в этом забытом богом уголке. Ему повезло найти владельца собаки! Теперь можно ее оставить и уехать.

– Флосси у вас? – спросила женщина прерывающимся голосом. – Где она?

– Она в моей машине, – ответил Брин извиняющимся тоном. – Мне очень жаль, но я сбил ее.

– Вы ее сбили?.. – с ужасом переспросила незнакомка. – Она жива?

– Жива, – заверил ее Брин, желая стереть страх с ее лица. – Повредила лапу, но я не заметил у нее никаких других травм, и дышит она, кажется, нормально. Надеюсь, что колесо только скользнуло по ее бедру и больше ничего не задето. Но ветеринар...

– Ханна Тиндалл из Ялинггапа. У меня есть ее телефонный номер. – Женщина вынула сотовый из заднего кармана джинсов. – Я сейчас ей позвоню.

– Ханна принимает роды у коровы, – пояснил Брин. – Она должна освободиться через час. А ветврач из Карлсбрука в отпуске.

– Вы уже им звонили? – Она сделала глубокий вдох. – Спасибо... Флосси в вашей машине?

Собираясь выйти прямо под дождь, женщина попыталась шагнуть мимо Брина. Он преградил ей путь, подумав, что, в отличие от нее, все равно уже успел вымокнуть. Да и Флосси уже показала, что спокойно ведет себя у него на руках.

– Лучше найдите пока несколько полотенец, – мягко попросил Брин. – Можете развести огонь? Она мокрая, и я думаю, ей понадобится тепло.

– Я... Да. На кухне у меня есть плита.

– Ну так ступайте за полотенцами, а я принесу Флосси туда, – сказал Брин, а затем, замаявшись, добавил: – Если, конечно, вы не возражаете. – Он посмотрел за ее плечо. – Вы не одна? Кто-нибудь сможет вам помочь?

– Я... – Женщина сделала еще один глубокий вдох. – Нет, но это не важно. Пожалуйста, принесите ее! Большое вам спасибо! – Ее голос еле заметно дрогнул. – О, Флосси!

Она почти бегом направилась вглубь дома, оставив дверь широко открытой, и Брин внезапно осознал: не стоило просить разрешения войти в дом одинокой женщины поздно ночью. Она побежала за полотенцами и оставила его перед раскрытой дверью, полностью ему доверившись.

Доверие. Как его не хватало в жизни Брина в последние несколько недель, когда он осознал степень нечестности своего дяди! Читая, что пишут местные газеты, Брин ощущал себя так, словно грязные дядюшкины махинации испачкали и его репутацию. А эта женщина ему полностью доверяла!

Он вернулся обратно под дождь, который еще больше усилился, и осторожно достал из машины раненую собаку.

Она казалась вялой, безразличной и такой худой, что ребра выпирали наружу. Если бы хозяйка этого дома не была окружена явно ухоженными псами, Брин заподозрил бы, что та плохо обращается со своими животными, но это явно был иной случай.

Когда Брин вернулся в зал, она снова появилась, неся стопку полотенец. Увидев собаку на его руках, женщина уронила их и заплакала:

– О, Флосси!..

К счастью, ей хватило здравомыслия не кинуться обнимать раненое животное. Она подошла поближе и осторожно почесала собаку за ухом.

– Мы думали, что потеряли тебя!..

Затем, снова обретя самообладание, женщина нагнулась, собрала полотенца и направилась на кухню.

Это была отличная кухня – настоящая кухня фермерского дома: уютная, с обшарпанными стенами, истертым линолеумом, старинным деревянным столом, стульями от разных гарнитуров и подушками веселых, неподходящих друг другу расцветок. Древний комод занимал почти всю длину одной стены, а вдоль противоположной стены располагались дровяная плита и электрическая духовка. Плита была розожжена, и в кухне ощущалось ее приятное тепло. На

полу перед плитой лежал выцветший коврик, чуть поодаль стоял древний диванчик. На стенах повсюду были развешаны фотографии собак. А еще среди них Брин заметил пожелтевший снимок парня в военной форме, занимавший почетное центральное место.

На плите в кастрюле булькало какое-то варево, распространяя аромат мяса и трав.

Обстановка в этой кухне казалась настолько умиротворяющей, настолько далекой от мрачности последних нескольких дней, так сильно напомнила Брину его родной дом, что он на мгновение замер в дверном проеме, и лишь затем шагнул через порог.

Хозяйка первой вбежала в кухню и подвинула диванчик ближе к плите.

– Кладите ее сюда. О, Флосси!..

Собака еле заметно пошевелила хвостом, словно тоже воспринимала кухню именно такой: святилищем, местом почти вне этого мира, капсулой времени, пребывание в которой дарит безопасность.

Брин осторожно уложил Флосси на полотенца, расстеленные на диване, и ее хвост снова дрогнул. Она с обожанием посмотрела на женщину, стоящую рядом.

– О, Флосси!.. – снова пробормотала та. – Что с тобой случилось?

– Я не вижу у нее никаких повреждений, кроме лапы, – сказал Брин. – Не знаю, сломана она или нет.

На бедре собаки была сильная ссадина, которая все еще кровоточила, хотя и не сильно.

– Я больше ничего не нашупал, но она не шевелится.

– Возможно, из-за шока, – ответила женщина. – А еще из-за истощения. Флосси пропала три недели назад.

– Она скиталась целых три недели!

Женщина покачала головой, осторожно ощупывая бока собаки.

– Флосси – бывшая беспризорница. Ее подбросили сюда пару месяцев назад. Люди, зная, что бабушка подбирала бездомных животных, оставляли их возле ее фермы. Точно так поступили и с этой собакой, но она все еще помнит, что ее выкинули из машины, и постоянно стремится убежать к шоссе в поисках прежнего хозяина.

Когда Флосси пропала, я так долго ее искала...

Судя по эмоциям в голосе, эта женщина сильно и искренне переживала из-за бездомной собаки, которую знала всего несколько недель.

– Под Флосси ваша куртка, – только сейчас заметила незнакомка. – О боже, она ведь будет испорчена! Я сейчас ее вытащу... Не знаю, может, попробовать ее как-то отчистить? – Она запнулась и глубоко вздохнула. – Простите, у меня сейчас путаются мысли... Кстати, я Чарли Фостер. Точнее, Шарлотта. А вы... Брин Морган? Я правильно запомнила? Очень рада с вами познакомиться и крайне благодарна за помощь. Дальше я уже и сама справлюсь. Позвоню ветеринару, как только она освободится. Хотя, думаю, когда я вымою и накормлю Флосси, ветврач ей, возможно, не понадобится. Вы молодец. Огромное вам спасибо!

Чарли уже собралась вытянуть из-под собаки куртку, но Брин остановил ее:

– Не стоит.

– Вам не нужна ваша куртка?

Везти насквозь пропитанную кровью одежду обратно в Великобританию? Эта куртка, конечно, нравилась Брину, но не настолько.

– Все в порядке, – ответил Брин. – Вы уверены, что вам не нужна помощь?

– У меня все хорошо. – Чарли выпрямилась и протянула ему руку.

«Судя по ее крепкому рукопожатию, она решительная женщина», – мелькнуло в голове Брина.

– Вы были великолепны, мистер Морган, но больше ничем не в силах мне помочь. Не смею вас задерживать.

Собака виляла хвостом, хоть и слабо, а значит, тепло, пища и лечение помогут ей восстановиться. Брин действительно сделал для ее спасения все, что мог, а еще ему нужно было успеть на самолет.

«Отлично, значит, можно вернуться в машину и даже приехать в аэропорт вовремя», – подумал Брин.

– Ну, тогда я пойду. Не провожайте меня. Я сам закрою дверь.

– Большое вам спасибо!

Дружеское рукопожатие Чарли, выражающее ее искреннюю благодарность, заставило Брина почувствовать себя так, как он не чувствовал себя уже давно – с тех пор как уехал из родного дома. А может быть, даже дома он такого не ощущал.

Он посмотрел на нее сверху вниз, на ее растрепанные кудри, на лицо без макияжа, раскрасневшееся от жара плиты, на ее карие глаза с прямым и ясным взглядом. Чарли улыбалась ему. Она заставила его почувствовать...

«Стоп! У тебя нет времени на чувства! Тебе необходимо успеть на самолет!» – напомнил себе Брин и вслух произнес:

– Удачи!

Повинуясь порыву, он схватил лежащую на столе ручку и написал свое имя и адрес электронной почты в блокноте, который, похоже, использовался для записи необходимых покупок.

– Вы дадите мне знать, как дела у Флосси? И если будут счета от ветеринара, я готов их оплатить... Ведь это я ее сбил.

На лице Чарли промелькнуло что-то, похожее на облегчение.

– Все в порядке. Это была не ваша вина.

– Но вы напишете мне?

Брин снова взял ее за руку. Ему показалось ужасно важным не разжимать пальцы, пока Чарли не даст свое согласие.

– Ладно, – сказала она и высвободила руку.

Пора было уходить. Брин повернулся и шагнул в темноту.

Чарли не могла себе объяснить, почему с такой неохотой прервала рукопожатие. Наверное, всему виной ночь и буря. А еще тот факт, что на руках у нее раненая собака, и Чарли не знала, что с ней делать, несмотря на то, что заявила тому парню, Брину.

– Любой не захотел бы остаться в одиночестве в такую ночь, – сказала она себе, в глубине души чувствуя, что дело тут не только в этом. Брин выглядел просто великолепно: высокий, чисто выбритый, темноволосый, загорелый, с поджарым телом, в дорогих брюках и рубашке с расстегнутым воротником. Его голос был красивым, низким и глубоким, произношение – английским, даже, скорее, с валлийским акцентом, который соответствовал его имени, распространенном в Уэльсе. Брин. Красивое имя. Он нес ее любимую Флосси с нежностью. Всего этого было достаточно, чтобы взволновать сердце Чарли.

А еще он смотрел на нее с такой заботой... На прощание он улыбнулся, и в этой улыбке читалось: «Мне лучше уйти, но мне неприятно оставлять вас в одиночестве». От этой улыбки и взгляда темных, глубоко посаженных глаз растаяла бы любая женщина. Но таким мужчинам нет места в жизни Чарли. Она уже обожглась один раз и больше не собирается повторять свои ошибки. К тому же ей есть чем заняться, вместо того чтобы стоять здесь и ощущать, как ослабели колени от улыбки Брина. Он ушел навсегда, а у нее на руках раненая собака, требующая ухода.

Но у судьбы, как оказалось, были другие планы.

Едва Чарли повернулась и наклонилась над Флосси, за окном сверкнула необычайно яркая вспышка молнии, раздался страшный раскат грома, а затем жуткий треск. Потом последовала небольшая пауза, и что-то рухнуло так сильно, что весь дом сотрясся. Погас свет.

Собаки влетели в кухню и сгрудились вокруг ног Чарли. Она опустилась на колени и обняла псов, чтобы успокоить их.

– Это, должно быть, упал один из гигантских эвкалиптов у дороги, – сказала себе Чарли и тут же подумала: «Брин! Господи, он ведь там! Не пострадал ли он?»

Чарли вскочила, оттолкнула собак и в потемках направилась к входной двери, но открыть ее не успела – дверь распахнулась сама. На пороге стоял недавний гость – Чарли узнала его по силуэту. Лицо было не разглядеть, потому что за спиной Брина сияло зарево пожара – наверное, горело дерево, только что упавшее от удара молнии.

– Чарли?

– Брин...

Она отступила, почти в испуге, и собаки опять собрались вокруг ее ног. Чарли наклонилась, чтобы снова обнять их, но сделала это, скорее, не для того, чтобы их успокоить, а чтобы вернуть себе самообладание. Потому что ей ужасно захотелось обнять мужчину, стоящего в дверях живым и здоровым, ведь на долю секунды она успела представить, что он погиб, и содрогнуться от этой мысли.

– Мне очень жаль, – извиняющимся тоном произнес Брин, – но выезд на шоссе перегородило упавшее дерево.

– Вы в порядке? Не ранены?

– Ни царапины. Но я, кажется, застрял тут. Если только нет другой дороги до шоссе. Простите меня.

Ради всего святого! Этот человек привез ее собаку домой, его чуть не убило одно из деревьев, которое, как Чарли не раз говорила бабушке, росло слишком близко к дому, – и он еще извиняется?!

– Пока не прекратится ливень, вы не сможете выехать на шоссе другой дорогой, потому что все пастбища затопит, – пояснила Чарли. – А эти деревья, эвкалипты, их иногда называют «мужеубийцы».

Чарли наконец смогла разглядеть Брина, когда очередная вспышка молнии осветила небо. Он весь вымок. Должно быть, он и в первый раз явился весь промокший, но она была так сосредоточена на Флосси, что не заметила этого.

– Мужеубийцы? – переспросил Брин.

Чарли подошла и встала перед ним.

– Так местные жители величают красные эвкалипты. Эти деревья, красивые и тенистые, печально известны тем, что могут неожиданно сбрасывать свои ветви, особенно в жаркие, безветренные дни. Люди, которые этого не знают, норовят разбить палатку под таким эвкалиптом.

– Или припарковаться под ним?

– Да, а затем на них падает сверху огромная ветка.

– Но сегодня вовсе не жаркий и безветренный день.

– Зато эти деревья такие высокие, что в них в первую очередь ударяет молния. А бабушка не хочет, чтобы растущие возле ее дома эвкалипты срубили, даже те, которые уже засохли. Она говорит, что на них вьют гнезда попугаи и селятся опоссумы. Она говорит... То есть говорила... – Чарли запнулась.

– Говорила? – переспросил наконец Брин таким деликатным тоном, что Чарли вздрогнула.

– Да... Три недели назад у нее случился сердечный приступ, и ее не стало... Вот почему я здесь. И это бабушкины собаки.

– Так вы тут совсем одна?

Чарли понимала, что не должна в этом признаваться, ведь кругом темнота, а перед ней тенью стоит на пороге почти незнакомец. Надо соврать, что наверху спит целая компания мускулистых мужчин. Но она этого не сделала.

- Да, я одна, и я не знаю, как вести себя в бурю.
- Я тоже, – ответил Брин. – У вас найдется керосиновая лампа?
- Да, конечно.

Бабушка Чарли жила в одиноко стоящем доме, окруженном эвкалиптами. Перебои с электричеством считались тут обычным явлением, и на такой случай было припасено все необходимое.

Чарли вернулась на кухню и на ощупь нашла в буфете древнюю керосиновую лампу, которая, впрочем, служила еще вполне исправно.

Брин застыл в дверях кухни темной тенью, наблюдая за Чарли. Она разожгла фитиль и установила на место стекло абажура, чувствуя, как дрожат пальцы. Брин заметил ее страх.

– Чарли, вы со мной как за каменной стеной, – мягко произнес он, улыбнулся, шагнул в кухню и добавил: – Я надежнее, чем дома, вокруг которых растут красные эвкалипты. Как вы считаете, не рухнет ли еще какой-нибудь из них на наши головы? Может, нам надо эвакуироваться отсюда?

Стараясь не смотреть в лицо Брину, Чарли поправила фитиль лампы, чтобы та не чадила, и повернулась к серванту, чтобы поискать еще лампы – у бабушки было их с полдюжины, заправленных керосином и готовых к работе.

– Кажется, уходить сейчас из дома опаснее, чем в нем оставаться, – ответила она. – Даже если бы выезд на шоссе не был завален упавшим деревом. И даже если вспомнить поговорку о том, что молния не бьет дважды в одно и то же место.

– Кажется, вокруг много эвкалиптов, – произнес Брин с сомнением. – Как вы думаете, в понятие «одно и то же место» входят все деревья, растущие менее чем в двадцати футах от дома?

Чарли повернулась и посмотрела на него.

– Мистер Морган, похоже, вы застряли здесь на ночь. Я вам очень благодарна и не боюсь вас. Но меня пугают бури. И я с радостью предоставлю вам ночлег и ужин, если вы соберете все свое мужество и будете говорить мне что-то вроде: «Подумаешь, всего лишь немного посверкает молния!» А если вы посмеете утверждать, что для меня есть хоть малейшая вероятность быть раздавленной следующим упавшим деревом, тогда можете отправляться искать дорогу под дождем. Так что вы выбираете?

Чарли уперла кулаки в бедра, вскинула подбородок и пристально посмотрела на Брина. Этот взгляд заставил его рассмеяться, и неожиданно настроение его улучшилось.

Вечерок выдался кошмарным, и вообще дела Брина в этот момент оставляли желать лучшего. Все, чего ему сейчас хотелось, – это вернуться домой, в Баллистоун, к своим собакам и коровам, забыв как страшный сон все неприятности. Но вместо этого он обнаружил, что улыбается стоящей перед ним рыжеволосой подстрекательнице и ищет слова, чтобы доказать ей, что он – как она там сказала? – «собрал все свое мужество».

– Не обращайтесь на меня внимания, мэм, – заявил он, все еще улыбаясь и пытаясь пародировать тон супергероя. – Да, один из крошечных эвкалиптов, растущих рядом с домом, может упасть, но, если это произойдет, я поймаю его одной рукой и использую в качестве растопки для вашей печки. Вам нужны дрова? Если да, я пойду и притащу сюда то жалкое деревце, которое только что упало от удара молнии.

Их взгляды встретились. Вызов, написанный на лице Чарли, сменился еле заметной улыбкой, коснувшейся глаз.

– Что, если я отвечу «да» на ваше предложение? – выпалила она, прыснув от смеха.

– Ваше желание – закон для меня, – храбро ответил Брин и посмотрел в окно на остов огромного дерева на дороге, еще тлеющего и рассыпающего во все стороны искры. – Мне не помешала бы пара жаростойких перчаток. Это дерево выглядит горячим.

Тут уж Чарли расхохоталась в голос, от души. Глядя на ее бледное, усталое лицо, Брин подумал, что, наверное, эта женщина давно не смеялась. Как хорошо, что он сумел ее разве-селить!

– Вам нужна помощь с Флосси? – спросил Брин.

– Да, пожалуйста. Я с радостью ее приму. Вы много знаете о собаках?

– Всю свою жизнь я держу собак. – Все еще пытаюсь сохранить улыбку на лице Чарли, Брин добавил: – Вот только будет ли мужественно с моей стороны признаться, что я обычно падаю в обморок при виде крови?

– Но вы ведь несли Флосси на руках. На вашей рубашке осталась ее кровь.

– Точно! Так и было, – изумился Брин. – И я умудрился не потерять сознание. Тогда давайте воспользуемся этой переменой во мне. Надо перевязать Флосси, пока моя мужественность не испарилась. Итак, медсестра, мне нужно больше света, горячая вода, мыло...

– И бинты?

– Разумеется, – улыбнулся он и посмотрел на собаку, терпеливо ожидающую перед печью, когда на нее обратят внимание. – У вас найдется собачья еда и миска для воды? Не знаю, когда Флосси ела в последний раз, но, полагаю, сначала нам нужно ее накормить.

Чарли направилась к холодильнику, чтобы найти немного мяса, но все ее мысли в этот момент были лишь о том, как красив стоящий позади нее мужчина.

Глава 2

После тщательного осмотра Брин решил, что перелома нет. Ссадина протянулась по всей длине бедра, но пока ее обрабатывали, собака вела себя спокойно, лишь негромко заскулила, когда Брин попробовал согнуть лапу Флосси, чтобы проверить, цел ли сустав. Зато на порезанную курятину псина набросилась с необычайной жадностью. Проглотив ее, Флосси снова бессильно откинулась на бок, но ее взгляд, исполненный преданности и любви, был прикован к Чарли.

– Так нечестно! – запротестовал Брин. – Мне достается грязная работа, а вам – благодарность.

Он закрепил конец бинта и посмотрел на женщину и ее собаку. Кудри Чарли почти касались головы Флосси, а нос – собачьего носа. Флосси выглядела так, словно не мылась несколько месяцев, но Чарли, казалось, этого не замечала.

– Ей не помешало бы искупаться, – сказал Брин, и Чарли посмотрела на него с презрением, которое он явно заслужил.

– Вы предлагаете снять с нее эту красивую белую повязку, унести собаку от теплой печки и бросить в ванну?

Флосси взглянула на Брина с тем же упреком, который читался и во взгляде Чарли.

Брину захотелось рассмеяться, а ведь он давно этого не делал.

Раскаты грома раздавались теперь все дальше от дома. Собаки, перестав бояться, тоже собрались на кухне всей сворой и теперь все тут обнюхивали. Брин почесал Флосси за ухом, и тут же образовалась целая очередь из псов, желающих, чтобы их тоже потрепали за ушами.

– Вы не можете погладить одного, не погладив всех, – сказала Чарли и снова коротко рассмеялась своим замечательным смехом, отчего Брину захотелось...

Нет! Нельзя о таком думать! Ему и без того хватает проблем, и, в довершение ко всему, он сейчас расположился перед старинной печкой, и слабого света древней керосиновой лампы едва хватает, чтобы рассмотреть сидящих перед ним дворняжек, ожидающих, когда их приласкают. А хозяйка смотрит на них и улыбается. Тем временем снаружи... Черт! Цена машины, на которой он сюда приехал, настолько велика, что на эти деньги можно приобрести неплохой дом. Как теперь объяснить то, что произошло?..

– У меня на плите вкусный, густой суп, – сказала Чарли, отрывая Брина от размышлений о разгневанных конкурсных управляющих, агентах по взысканию долгов и продавцах автомобилей, которые вряд ли поверят в его невиновность.

Он постарался сосредоточиться на собаках. Будут ли они ревновать друг к другу, если он потратит, скажем, полторы минуты на Собаку Номер Один, а затем две минуты на Собаку Номер Два? Он решил не рисковать и посмотрел на часы. Чарли заметила это и улыбнулась.

– У вас в машине есть все, что вам понадобится на ночь? – спросила она. – Если хотите сходить туда за своими вещами, я могу одолжить вам зонт.

Это вернуло Брина к самой главной проблеме: он ведь застрял тут до утра и ему надо где-то переночевать. Об этом надо думать в первую очередь, а не о том, сколько секунд он чесал за ухом Пса Номер Один.

– У вас найдется свободная кровать? – осторожно спросил Брин.

– Да. Я размещу вас в задней части дома, чтобы собаки вам не мешали. Они спят со мной. Все, кроме Опоссума. Он – мой сторожевой пес и обычно спит у задней двери. Но если гроза не утихнет, он тоже будет ночевать в моей комнате. И Флосси, разумеется, будет спать со мной.

– Вы будете спать с Флосси? Она ведь вся в грязи!

– Я уверена, что это хорошая чистая грязь, – бодро ответила Чарли. – И вы не представляете себе, как сильно я волновалась за эту собаку. Если бы у меня была половина королевства, я бы отдала ее вам в знак благодарности прямо сейчас.

– У вас есть запасная зубная щетка?

Чарли моргнула.

– Простите?

– Я питаю легкую неприязнь к молниям, – признался Брин. – Пусть лучше мои вещи остаются в машине.

«Надо бы сказать Чарли о том, что случилось», – подумал он, но решил, что она уже и так достаточно бледна. Не хватает ей только услышать вдобавок о том, что, подойди он к машине на пару секунд раньше, был бы расплюсчен эвкалиптом, как и спорткар. Впрочем, об этой свалившейся на голову проблеме думать сейчас не хотелось.

– У меня есть запасная зубная щетка, – ответила Чарли. – Если вы не возражаете против розового цвета с перламутром, она ваша.

– Вы готовы отказаться от такой красивой щетки ради меня?

– Я ведь уже сказала, что вы заслуживаете половину моего королевства. И это была вовсе не шутка.

– В таком случае я удовольствуюсь зубной щеткой, тарелкой супа и кроватью для ночлега. И больше ничего у вас не попрошу, – заявил Брин.

– Отлично! – согласилась Чарли и потянулась, чтобы тоже почесать за ухом одного из псов.

Ее пальцы случайно коснулись руки Бриана, и от этого прикосновения все разом изменилось.

Напряжение между ними стало почти ощутимым.

– Итак, отведаем супа, почистим зубы и отправимся в постель, – предложил Брин.

– Еще чего! Размечтались! – резко бросила она, но тут же пробормотала, запинаясь: – Я не это имела в виду... Знаете, я не имела в виду...

– Я вовсе не думал предлагать вам заняться сексом, – произнес он бесстрастно, понимая, что лжет.

– Собирались!

– Если и так, это неправильно.

– Я ничего не знаю о вас, – заявила Чарли и тут же спохватилась: – Но даже если бы знала...

– Я фермер из Великобритании, – сообщил Брин, ощутив внезапный порыв объясниться. – Мне тридцать пять лет, приехал в Австралию по семейным делам. Завтра возвращаюсь в Лондон.

– И все равно это не означает, что я лягу с вами в постель.

– Конечно нет, – усмехнулся Брин. – Может, бури действуют так же возбуждающе, как и устрицы. Но мы взрослые люди и сможем держать себя в руках.

– Да, – подтвердила Чарли, но в ее голосе прозвучало сомнение.

– Так что давайте познакомимся чуть ближе. Не в качестве вступления к сексу. Просто для того, чтобы разрядить атмосферу и предупредить возможные недоразумения. Как я уже сказал, я фермер. Живу в паре миль от границы с Уэльсом и приехал сюда потому, что мой дядя...

Брин запнулся. Как объяснить Чарли, что натворил Томас? Только не сейчас. А лучше вообще не трогать эту тему. Ему не хотелось даже думать о Томасе.

– Мой дядя жил в Австралии несколько лет, а затем переехал. Мне нужно было разобраться с вещами, которые он тут оставил. Но я уже все закончил. А что насчет вас?

Чарли с сомнением посмотрела на него, словно не понимая, что сейчас происходит. Впрочем, Брин в этот момент чувствовал себя так же. Напряжение между ними нарастало, и сверкающие за окном молнии были тут ни при чем. А может, винить следовало именно их? С электричеством связано много всего странного.

– Я дизайнер интерьеров, – произнесла Чарли наконец. – У меня был... У меня есть свой бизнес в Мельбурне. Но сейчас я присматриваю за семью собаками, двумя коровами и пятнадцатью курами, пытаюсь подыскать для них новых хозяев. Я нахожусь в ожидании чуда, которого не случится. А между тем, мистер Морган, меня ждут собственные дела, и мне не до мыслей о сексе с кем-либо, тем более с вами. Так что пока вы гладите собак, я налью нам супа, а там посмотрим.

– Утром я уеду.

– Разумеется. Как только я... – Чарли запнулась и нахмурилась. – Ах да! Дорогу ведь перегородило упавшее дерево! Чтобы оттащить его в сторону придется нанять людей. – Но тут ее лицо прояснилось. – Хотя эту проблему можно решить иначе. Если у вашего автомобиля клиренс достаточно высокий, а округу затопит не сильно, можно будет выбраться на шоссе через пастбища.

– Утро вечера мудренее, – ответил Брин.

– Я постоянно это себе твержу, – вздохнула Чарли, с трудом поднялась на ноги и посмотрела на него в тусклом свете лампы. – Вот было бы здорово, если бы мне не приходилось этого делать!

Первый натиск бури остался позади. Ветер, гром и молния стихли. Брин удобно устроился в приличной кровати, в сто раз лучше того твердого ложа, на котором он спал последние несколько дней в мотеле.

Карлсбрук был небольшим городком всего с одним пабом и единственным магазином. Он вовсе не походил на курортные города, где привык жить дядюшка Томас. Но Брин прекрасно понимал, почему тот решил обстрипывать свои делишки именно здесь. В этих местах, отрезанных от остального мира, люди, в основном немолодые, проживают на небольших фермах, разводя скот, и тут есть проблемы с подключением к Интернету. Такое население идеально подходит для мерзких афер Томаса.

Но сегодня вечером Брин почти не думал о своем дяде. Он лежал на старинной кровати с балдахинном в спальне на втором этаже. Ветер стонал за стенами старого дома, деревья скрипели за окном. Что-то было в этом доме, в этих собаках, в этой женщине такое, что до странности напоминало Брину его родной дом, расположенный далеко, в Баллистоун-Холле, на границе с Уэльсом. Это великолепное место для жизни, но там Брину никогда не спалось хорошо. А здесь, в этой спальне с невзрачной мебелью, он почти мгновенно погрузился в крепкий сон и проснулся только оттого, что буря снова разбушевалась.

Она налетела с такой силой, что весь дом содрогнулся от первого раската грома – небывало громкого и продолжительного. Вспыхнувшая молния осветила всю комнату жутким светом.

Следующий раскат грома был еще громче, еще сильнее, и через две секунды одна из собак вскочила на кровать Брина. Вскоре к ней присоединились пять других псов.

Брин предполагал, что они спят с Чарли, но горе-охранники явно покинули свою хозяйку, как крысы тонущий корабль.

Первый из этих псов, Стретч, похожий на таксу, но с выющейся бородой, выдающей изъясн в его родословной, бросился на кровать и, прежде чем Брин успел его остановить, забрался под одеяло. Остальные пять собак собрались было последовать примеру Стретча, но Брин уже был готов к такому повороту событий и подтянул одеяло к шее.

Затем он кинул взгляд на дверь и в свете очередной молнии увидел Чарли, стоящую на пороге босиком, в полинялой кружевной ночнушке, с растрепанными, словно от беспокойного сна, волосами. В руках она держала лампу и Флосси.

С расширенными от страха глазами Чарли прошептала:

– Собаки бросили меня. Они испугались молнии.

– И вы тоже ее боитесь?

– Если она ударит в дом...

– Вы видели, какие высокие деревья растут рядом? В первую очередь молния ударит в них.

Наверное, зря он это сказал, потому что лицо Чарли побледнело еще сильнее.

– Молния ударит в дерево, а оно упадет на дом.

– Только не с этой стороны, – заверил Брин.

Окна его спальни выходили на задний двор, а эвкалипты росли в основном у парадного входа.

– Моя спальня выходит окнами на другую сторону.

Чарли стояла с испуганным лицом, держа в руках собаку.

– Знаете что, – благородным тоном заявил Брин, – давайте вы ляжете здесь, а я – в вашей комнате!

– Н-нет...

– Чарли...

– Я не люблю грозу, – прошептала она.

Этого было достаточно, чтобы Брин, расслышав ужас в ее голосе, отшвырнул одеяло, оттолкнул собак и направился к двери. Стоило ему подойти к Чарли, как он сразу понял, что она очень испугана, как и Флосси на ее руках. Теперь стало ясно, почему собаки бросили Чарли. Им нужен был вожак, которого не страшила бы гроза. На лице Чарли было написано, что она искала того же.

Значит, им требуется вожак стаи? Брин шагнул вперед и крепко обнял Чарли.

Флосси обмякла, зажата между их телами, словно в сэндвиче. На Брине были надеты только трусы, потому что его пижама лежала сейчас где-то там, под горящим эвкалиптом. Почувствовав грубую шерсть Флосси на своей голой коже, Брин ощутил, что собаку бьет дрожь. И Чарли тоже.

Он обхватил ее за талию. Чарли положила голову ему на плечо, словно хотела быть как можно ближе к Брину. Он уперся подбородком в ее макушку, и ощущение, что вернулся домой, усилилось.

Волосы Чарли были такими густыми, такими мягкими, и от них так великолепно пахло чем-то цитрусовым! Нет. Эта женщина была великолепной вся, с головы до пят!

В его объятиях она успокоилась. Брин чувствовал, что Чарли хочет, чтобы он продолжал ее обнимать, хочет быть как можно ближе к нему. Но лишь по единственной причине – потому что она напугана. Ей страшно, и он ее утешает.

Но эта женщина и в самом деле великолепная!

Снова это слово – «великолепная»! Оно словно само просочилось в его мозг, и что-то внутри его изменилось.

Еще один раскат грома сотряс дом, и Брин почувствовал, как Чарли вздрогнула. Женщина и собака прижались бы к нему еще крепче, будь это возможно.

Со стороны кровати раздалось шесть громких собачьих воплей.

Что должен делать мужчина в такой ситуации?

– Пойдемте спать, дорогая, – пробормотал он Чарли в волосы. – Вы, я и семь собак. Мы переживем эту бурю вместе.

– Вместе... – эхом отозвалась она.

Брин чувствовал, как в ее душе страх перед бурей сражается со страхом перед незнакомцем.

– Мы можем так поступить, – сказал он. – Когда в постели только мужчина и женщина, дело может зайти далеко. Но если в кровати мужчина, женщина и семь псов... Сомневаюсь, что эта проблема вообще возникнет.

* * *

Когда Чарли погрузилась в сон, между ней и Брином лежало семь собак. Но, проснувшись от особенно мощного удара грома, она обнаружила себя в объятиях этого почти незнакомца – ее спина прижималась к его груди, а лицом он уткнулся в волосы Чарли. Она чувствовала дыхание Брина. И все остальное. На нем были надеты трусы, но с таким же успехом он мог бы быть полностью голым. Сквозь тонкую батистовую ночнушку Чарли чувствовала обнаженную грудь Брина. Его мускулистые, сильные руки крепко обнимали ее. Его кожа прижималась к ее коже.

Сквозь щель между задернутыми шторами уже пробивались солнечные лучи. Флосси лежала в конце кровати – Чарли чувствовала тепло и тяжесть ее тела на своих ногах. Но остальная часть своры, очевидно, уже проснулась и убежала из спальни.

Буря закончилась. Чарли понимала, что должна высвободиться из объятий этого мужчины. Но ей так хотелось остаться в кольце его рук! Весь мир в этот момент словно замер. Здесь, в объятиях Брина, было покойно, словно в убежище.

Но как такое может быть? Чарли знала этого человека всего около двенадцати часов, и большая часть этого времени была потрачена на сон. О боже!

«Вставай! – приказала она себе. – Проверь рану Флосси! Оцени ущерб, причиненный бурей!»

Но Чарли не пошевелилась, позволяя коварной сладости момента окутать ее. Вот бы так и лежать в постели, воображая, что никаких проблем в жизни нет: бабушка по-прежнему жива, не нужно выплачивать долги и волноваться о том, как найти новых хозяев собакам, которых она не может оставить себе! Чарли не хотелось вспоминать и о том, что сама она была предана подлецом и, кажется, не может доверять никому на целом свете.

– Как хорошо! – пробормотал Брин ей на ухо. – Как вы думаете, если мы останемся в постели достаточно долго, остальной мир исчезнет?

Значит, он не спит, и у него тоже есть проблемы в жизни? Впрочем, у кого их нет? Это сделало его в глазах Чарли еще более человеческим.

«Хорошо»? Нет, этим словом даже близко не описать испытываемое блаженство. Если не заставить себя как можно скорее покинуть объятия Брина, то...

Он словно прочел ее мысли, потому что с сожалением заявил:

– Если мы сейчас же не отодвинемся друг от друга, я за себя не отвечаю...

Чарли почувствовала, как его тело пошевелилось – там, где это сейчас, уж точно, было неуместным. Хватит предаваться фантазиям! Словно поддерживая решение хозяйки, Флосси завозила у нее в ногах – пора было вставать.

Брин разжал объятия и подался назад, но Чарли не могла заставить себя подняться с постели.

«До чего же нелепо! – подумала она. – Просто мое тело реагирует на стресс последних недель. И это никак не связано с Брином».

Между тем он откинул одеяло, встал на ноги, и у Чарли захватило дух от взгляда на этого мужчину. Вчера вечером Брин сказал, что он фермер, и его тело подтвердило это: загорелое, жилистое, словно Брин всю жизнь тягал тюки с сеном, стриг овец и выполнял прочую фермерскую работу. Эти мысли напомнили Чарли о том, что ее ждут дела.

– Вам, наверное, есть чем заняться. – Брин будто понял, о чем она подумала. – Выпустить собак гулять. Покормить их и остальных ваших животных.

– Надо позаботиться о коровах, – кивнула Чарли, – и накормить кур. Если, конечно, они пережили эту ночь. Но вам нет смысла оставаться тут дольше. Если земля не слишком мокрая, вы сможете проехать на машине по пастбищу за домом.

– И оставить вас разбираться с этим беспорядком в одиночестве?

– Это мой беспорядок. Вы и так слишком задержались из-за меня. Куда вы направлялись прошлой ночью? В Мельбурн?

– Да, – с горечью произнес Брин и потянулся за своими брюками.

Чарли эта ситуация показалась такой интимной, почти семейной: она лежит в постели, пока мужчина рядом с кроватью одевается. Как странно, и до чего же сбивает с толку!

– Я направлялся в аэропорт.

– Выходит, вы опоздали на самолет? – Чарли села в постели и в ужасе воззрилась на Брина. – Из-за Флосси? О нет!

– Будут и другие рейсы.

– Ваш билет пропал? Я могу... Я...

В голове мелькнуло: «А что ты можешь? Заплатить за другой авиабилет? Но чем?»

– Чарли...

Наверное, Брин расслышал панику в ее голосе, потому что наклонился и положил руки ей на плечи. Это был жест, который должен был помочь ей обрести самообладание, и это подействовало, но лишь частично, потому что близость Брина лишала Чарли равновесия.

– Я сбил вашу собаку, – произнес он негромко, но твердо. – Это моя вина.

– Флосси не следовало выскакивать на дорогу.

– Как она убежала?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.